

Беляев А. Д. Истинное христианство и гуманизм: [По поводу реферата Вл. С. Соловьева «О причинах упадка средневекового мирозерцания»] // Богословский вестник 1892. Т. 2. № 6. С. 439–459 (2-я пагин.).

ИСТИННОЕ ХРИСТИАНСТВО И ГУМАНИЗМЪ.

Содержаніе и объемъ двухъ понятій, положенныхъ въ заглавіи, слишкомъ обширны, чтобы можно было ихъ исчерпать въ небольшой журнальной статьѣ. Но мы и не ставимъ своей задачей всестороннее обсужденіе предмета. Тема навѣяна надѣлавшей много шума исторіей по поводу реферата Вл. С. Соловьева: *О причинахъ упадка средне-вѣковаго мірозозерцанія*, прочитаннаго имъ въ засѣданіи Психологическаго Общества 19-го октября 1891 г. Нѣкоторые слушатели реферата остались крайне недовольны какъ духомъ его, такъ, и въ особенности, нѣкоторыми мыслями его и отдѣльными выраженіями, которыя показались слишкомъ рѣзкими и оскорбительными для слуха и сердца православныхъ русскихъ людей. Недовольные выразили свой протестъ на страницахъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Къ нимъ примкнули Редакція этой газеты и нѣкоторые сотрудники ея. Редакціей, кромѣ того, были приглашены и нѣкоторые стороннія лица высказать свои мнѣнія по предметамъ возникшаго спора. На возраженія отвѣчали самъ г. Соловьевъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, а потомъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, и его сторонники — въ *Русскомъ Обозрѣніи*.

Сущность возраженій противъ реферата сводилась къ тому, что г. Соловьевъ, указывая недостатки средневѣковаго христианства, порицалъ и православную Церковь, или христианство восточной церкви по терминологіи самого г. Соловьева, что, далѣе, его порицанія были несправедливы и преувеличенны по существу, рѣзки по способу выраженія, и что, наконецъ, его положенія не согласны съ уче-

ніемъ Православной церкви. Въ полемикѣ были затронуты многіе пункты реферата г. Соловьева, но именно только затронуты, обсуждались вскользь. Это и понятно, потому что ежедневной и притомъ свѣтской газетѣ не удобно удѣлять много мѣста для обширныхъ учебныхъ статей о спеціальныхъ богословскихъ предметахъ.

Впрочемъ, было сдѣлано исключеніе для одного вопроса, обсуждавшася въ цѣломъ рядѣ статей, — вопроса о томъ, была-ли въ Восточной церкви, Византійской и Русской, инквизиція. Г. Соловьевъ въ своемъ рефератѣ и въ полемикѣ противъ своихъ противниковъ настойчиво утверждалъ и доказывалъ: инквизиція была въ Восточной церкви; они доказывали и, по нашему мнѣнію, доказали, что инквизиціи въ Восточной Церкви не было. Кромѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, это послѣднее положеніе было раскрываемо и доказываемо въ *Юридической Лѣтописи* профессоромъ Горчаковымъ, въ *Историческомъ Вѣстникѣ* (февраль 1892 г.) профессоромъ П. И. Барсовымъ.

Самый рефератъ г. Соловьева по цензурнымъ затрудненіямъ напечатанъ не былъ. Но о содержаніи его можно составить понятіе частію по тезисамъ, напечатаннымъ въ двухъ московскихъ газетахъ, частію по возраженіямъ, которыя противъ него были написаны, и по отвѣтамъ на нихъ самого г. Соловьева. Выходя изъ этихъ данныхъ мы и рѣшаемся высказать свои мысли о нѣкоторыхъ предметахъ, важныхъ по существу, но въ полемикѣ малораскрытыхъ. Побуждаемся къ этому чисто научнымъ интересомъ, а не полемическимъ задоромъ. Поэтому больше обсуждаемъ предметы по существу, положительно, только стороною касаясь мнѣній г. Соловьева. Напр., мы отнюдь не считаемъ г. Соловьева глашатаемъ альтруизма, въ особенности крайняго, а только полагаемъ, что нѣкоторыя его мнѣнія навѣяны носящимися теперь въ воздухѣ идеями альтруизма.

Въ тезисахъ г. Соловьевъ утверждаетъ, что средневѣковое міросозерцаніе и связанный съ нимъ строй жизни, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ, представляютъ собою историческій компромиссъ между христіанствомъ и язычествомъ и имѣютъ характеръ двоевѣрія, или полувѣрія и что этотъ компромиссъ ошибочно принимается за само христіанство, какъ его противниками, такъ и защитниками (Тез.

1-й); что вслѣдствіе „господства языческихъ началъ христіанству былъ приданъ несвойственный ему характеръ: а) односторонняго и нетерпимаго догматизма, б) односторонняго эгоистическаго индивидуализма, в) односторонняго и безсильнаго спиритуализма“ (Тез. 3, 4 и 5); что эти три болѣзни внутренне подорвали средневѣковое міросозерцаніе и вызвали по необходимости и по справедливости критическое разлагающее движеніе мысли и жизни“ (Тез. 6). По „критическое движеніе послѣднихъ вѣковъ, чаеъ г. Соловьевъ, ведетъ къ обнаруженію и торжеству истиннаго христіанства, — живаго, общественнаго, универсальнаго, — не отрицающаго, а перерождающаго человѣческую и природную жизнь“ ¹⁾ (Тез. 7).

Такимъ образомъ г. Соловьевъ приписываетъ христіанству среднихъ вѣковъ и поваго времени такіе недостатки, которые, по его мнѣнію, лишаютъ это христіанство права носить названіе христіанства, дѣлаютъ его христіанствомъ неистиннымъ, а появленія истиннаго христіанства, по его мнѣнію, нужно еще ждать; начиная съ среднихъ вѣковъ и доселѣ истинное христіанство будто бы или вовсе не существовало, находилось только въ возможности, или существовало скрытно, не обнаруживалось, во всякомъ случаѣ не торжествовало.

Итакъ, истиннаго христіанства нигдѣ на всей землѣ нѣтъ, и давно нѣтъ; и всѣ тѣ милліоны милліоновъ людей, которые за послѣднюю тысячу лѣтъ признавали себя и другихъ истинными христіанами, на самомъ дѣлѣ обманывались, находились въ заблужденіи, — тѣмъ болѣе тяжкомъ и страшномъ, что вѣдь они заблуждались относительно своей вѣчной участи: они были увѣрены въ своей принадлежности къ истинному христіанству и потому имѣли надежду на спасеніе, а въ дѣйствительности они истинными христіанами не были, и надежда ихъ на спасеніе была жалкимъ самообманомъ, пустой мечтой. Уже этотъ выводъ, вытекающій изъ взгляда г. Соловьева на христіанство, возбуждаетъ сомнѣніе въ правильности его взгляда и заставляетъ признать его преувеличеннымъ, даже абсурднымъ.

Къ тому же заключенію приводятъ понятія о сущности

¹⁾ Московскія Вѣдомости 1891 г. № 321. *

христіанства и объ отношеніи его къ человѣку, къ жизни, о проявленіяхъ его въ исторіи.

Чтобы рѣшить вопросъ о томъ, какое христіанство слѣдуетъ признавать истиннымъ и какое неистиннымъ, и соотвѣтственно этому сдѣлать оцѣнку взгляда г. Соловьева на средневѣковое христіанство, нужно предварительно уяснить себѣ сущность христіанства.

Какъ извѣстно, въ христіанствѣ двѣ стороны: божественная или объективная и человѣческая или субъективная. Первую сторону составляетъ чрезвычайное, особенное, отличное отъ общаго промышленія о мірѣ, дѣйствіе тріединого Бога, выражающееся въ томъ, что Богъ даетъ людямъ откровеніе, совершаетъ дѣло искупленія ихъ и устанавливаетъ средства для освященія ихъ. Вторая сторона состоитъ въ воспріятіи и усвоеніи человѣкомъ откровенія и искупительнаго освященія, она состоитъ въ вѣрѣ и любви человѣка, чрезъ которыя божественная сторона христіанства воспринимается человѣкомъ, воплощается въ его жизни, перерождаетъ человѣка или дѣлаетъ духовнымъ и спасаетъ его. Воспринимаемая вѣрою и любовью, божественная сторона христіанства въ свою очередь возводитъ вѣру и любовь человѣка, а слѣдовательно и всю жизнь его, до высокихъ степеней совершенства; по степеней этихъ, — степеней воспріятія, усвоенія и воплощенія въ человѣкѣ божественной стороны христіанства, очень много.

Эти двѣ стороны христіанства могутъ быть разсматриваемы и каждая въ отдѣльности, и въ сочетаніи одна съ другой. Именемъ христіанства называется и одна объективная сторона его, и соединеніе ея съ субъективной стороной, соединеніе божественно-христіанскаго съ человѣчески-христіанскимъ. Говоря иначе, христіанствомъ называется или христіанство само въ себѣ, безъ отношенія къ человѣку, принимаемое отвлеченно, или христіанство, осуществляющееся въ человѣчествѣ, христіанство историческое, христіанство не въ идеѣ, а какъ фактъ.

Христіанство само въ себѣ безусловно истинно, есть совершеннѣйшая религія. Христіанство историческое можетъ и не быть истиннымъ, напр., сектантское христіанство не истинно. Да и истинное христіанство можетъ имѣть разныя степени совершенства. Различія въ совершенствѣ истори-

ческаго христіанства зависятъ отъ мѣры полноты воспріянія, усвоенія и воплощенія въ жизни человѣческими обществами божественной стороны христіанства.

Что касается теперь до порицаній г. Соловьевымъ христіанства, то, судя по темѣ и тезисамъ, они относились къ историческому христіанству. Правда, въ печати было указываемо на несоотвѣтствіе самого реферата съ темой, но мы оставимъ этотъ вопросъ въ сторонѣ и признаемъ, что г. Соловьевъ приписывалъ упомянутыя болѣзни исключительно историческому христіанству, какъ это подтвердилъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, напечатанныхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* ¹⁾. Ему, однако, по поводу этого заявленія возражали, что, порицая историческое христіанство, онъ не могъ не порицать и самой церкви. „Развѣ можно говорить объ историческихъ судьбахъ христіанскаго человѣчества, не говоря объ историческихъ судьбахъ христіанской церкви?“

Это возраженіе имѣетъ силу. Объяснимъ это.

Когда рѣчь идетъ о сектантскомъ, или еретическомъ, или инославномъ христіанствѣ, тогда при порицаніяхъ его легко отдѣлить божественную сторону отъ человѣческой, не касаясь первой и осуждая только вторую. Напр., и еретики, и сектанты, и инославные имѣютъ Библию; но они заблуждаются или въ общемъ взглядѣ на нее, или въ дѣлѣ усвоенія ея и пониманія, или въ томъ и другомъ. Напр., одни изъ нихъ не всѣ каноническія книги признаютъ боговдохновенными, другіе допускаютъ неправильный принципъ толкованія писанія, третьи явно извращаютъ смыслъ тѣхъ мѣстъ его, въ которыхъ мнѣтъ найти подтвержденіе своего лжеученія. Точно также они принимаютъ догматы; но или не всѣ догматы принимаютъ, или измышляютъ новые догматы, или считаютъ догматомъ то, что не есть догматъ, или извращаютъ принимаемые ими догматы. Въ полемикѣ противъ нихъ и отмѣчаются эта неполнота, или извращеніе божественнаго элемента христіанства въ ихъ ученіи, и самое

¹⁾ „Ни силошного, ни отрывочнаго глумленія надъ христіанскою церковью въ моемъ рефератѣ не было. Церковь по существу (со стороны божественной или благодатной) вовсе не была предметомъ моихъ разсужденій, которыя ограничивались только историческими судьбами христіанскаго человѣчества“, такъ говоритъ г. Соловьевъ. № 296.

ученіе ихъ, самое христіанство ихъ, въ силу существенныхъ недостатковъ его, признается неистиннымъ. И если бы г. Соловьевъ говорилъ о недостаткахъ еретическаго, сектантскаго и неправославнаго христіанства и называлъ его христіанствомъ неистиннымъ, то, конечно, никто бы на него не посѣтовалъ. Но онъ нападалъ не на однѣ только извращенныя формы, въ которыхъ проявилось христіанство въ исторіи, а на все историческое христіанство, существовавшее на всей землѣ, начиная съ среднихъ вѣковъ, и это-то христіанство онъ объявляетъ неистиннымъ.

Но въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ, гдѣ-же и въ комъ, начиная съ среднихъ вѣковъ, существовала Церковь Христова? Скрывается-ли она въ отдѣльныхъ людяхъ, разсѣянныхъ по всей землѣ, и есть церковь невидимая, или она живетъ въ какомъ нибудь народѣ, или въ частной церкви? Или же она вовсе не существуетъ?

Судя по тому, что г. Соловьевъ все существующее христіанство называетъ неистиннымъ, а между тѣмъ истинная Христова Церковь должна содержать истинное христіанство, можно подумать, что, по мнѣнію г. Соловьева, истинная Церковь уже давно прекратила свое существованіе, что она существуетъ, такъ сказать, только на бумагѣ, а не въ жизни, что хотя и пребываетъ на землѣ божественная сторона ея, но она въ жизнь такъ называемыхъ христіанъ не вошла, стоитъ особнякомъ отъ жизни ихъ, или если и вошла въ нее, то совсѣмъ не такъ, какъ должно, и потому остается бездѣйственной, не перерождаетъ людей. Но такое мнѣніе столь отчаянно и явно ложно, что даже никто изъ сектантовъ или еретиковъ не рѣшался высказывать его. Всякая секта, признавая отличныя отъ нея христіанскія общества неправовѣрными, самое себя неизбѣжно признаетъ истиннымъ христіанствомъ, истинною Церковью, а иначе никакая секта не могла бы и возникнуть. Да и какъ можно думать о прекращеніи существованія Церкви, хотя бы самымъ кратковременномъ, въ виду ясныхъ словъ Иисуса Христа: *Я съ вами во весь дни до скончанія вѣка. Аминь* (Мат. 28, 20). И подъ именемъ Церкви, всегда и непрерывно существующей въ мірѣ, нельзя разумѣть только одну божественную сторону ея, а непременно сочетаніе двухъ сторонъ ея — божественной и человѣческой. Церковію на-

зывается не Христось: Онъ глава Церкви; Церковію называется та часть человѣчества, которая главой своимъ имѣеть Христа ¹⁾). И вотъ это-то человѣчество, имѣющее своимъ главой Христа, перестать существовать на землѣ, даже и на краткое время, не можетъ. Въ тяжкія годы оно можетъ сокращаться въ числѣ, ослабѣвать въ силѣ, подвергаться униженію и гоненіямъ совнѣ, или страдать отъ внутреннихъ нестроений, но перестать существовать не можетъ.

Мы увѣрены, что и самъ г. Соловьевъ не отрицаетъ непрерывности существованія Церкви. Но онъ или не имѣеть отчетливаго понятія о существѣ Церкви и объ отношеніи ея къ историческому христіанству, или не хотѣлъ отказаться отъ своихъ мнѣній относительно судебъ христіанской Церкви. Иначе нельзя понять, какъ можно допускать непрерывность существованія Церкви и въ то же время отрицать существованіе истиннаго христіанства въ средніе вѣка, или въ какую иную эпоху. Говоря о „болѣзняхъ“ средневѣковаго христіанства, нужно было выдѣлить изъ него истинную Христову Церковь, истинное христіанство. И это не въ интересахъ только вѣры, не по требованію только христіанскихъ и вѣроисповѣдныхъ убѣжденій, но и въ чисто научныхъ интересахъ. Не будутъ-ли нарушены элементарныя требованія правды и исторической науки, если мы, прикрываясь широкимъ терминомъ „Христіанство“, будемъ одни и тѣ же обвиненія взводить и на истинное христіанство, или истинную Христову Церковь, и на христіанство неправославное, еретическое и сектантское? А г. Соловьевъ огульно порицаетъ все средневѣковое христіанство, не отличая истиннаго христіанства отъ ложнаго, представляя его даже несуществующимъ.

Но быть можетъ г. Соловьевъ подъ именемъ неистиннаго средневѣковаго христіанства разумѣеть собственно сердцевину христіанства, церковное христіанство, попросту тогдашнюю Церковь, и въ ней-то онъ и нашелъ „болѣзни“, а еретическаго и неправославнаго христіанства опъ не счелъ нужнымъ и касаться въ своихъ порицаніяхъ, какъ осужденнаго и безъ его суда? Если это такъ, то порицанія г.

¹⁾ Эта мысль раскрыта въ посланіи апостола Павла къ Ефесенамъ.

Соловьева не могутъ быть оправданы ни съ догматическо-принципіальной, ни съ историческо-фактической точки зрѣнія.

Догматическая точка зрѣнія обяыываетъ насъ признавать Церковь святой и истинной. По ученію апостола Павла, Церковь *освящена благодатию и словомъ* (Еф. 5, 26); *есть столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15). И въ этихъ словахъ говорится не о божественной сторонѣ Церкви, ибо божественное само по себѣ свято и не зачѣмъ, и не чѣмъ освящать его, а о человѣчествѣ, освященномъ благодатию и словомъ, и это-то освященное человѣчество и называется Церковію. Не считаемъ пужнымъ приводить многія другія мѣста Писанія, въ которыхъ также именемъ Церкви означается не одна божественная сторона ея. и не идеаль, къ которому она должна стремиться по завѣту Христа и апостоловъ, а именно общество вѣрующихъ во Христа и освященныхъ Св. Духомъ, и этой-то Церкви, какъ обществу освященныхъ, приписываются высокія достоинства, напр., святость. Съ другой стороны, ни въ Св. Писаніи, ни въ отеческихъ твореніяхъ, ни въ актахъ соборовъ нѣтъ и тѣни обличеній и порицаній, предметомъ которыхъ было-бы все церковное человѣчество, все историческое христіанство, вся Церковь, хотя бы только по одной человѣческой ея сторонѣ. Обличенія и порицанія всегда относились или къ христіанамъ, какъ лицамъ, или ипогда и къ цѣлымъ обществамъ христіанскимъ, но никогда ко всей совокупности христіанскаго человѣчества, ко всей Церкви. Какъ ни печально было во времена Иисуса Христа состояніе склонившейся къ закату Церкви іудейской, уже давно лишившейся главной ветхозавѣтной святыни—Кивота Завѣта и управляемой фарисеями и саддукеями, какъ ни были слѣпы эти вожди слѣпыхъ, которые хотя и имѣли въ рукахъ Св. Писаніе, но плохо понимали его и еще хуже исполняли его предписанія, которые выше заповѣдей Божіихъ ставили преданія своихъ старцевъ и въ то же время были напыщены своимъ мнимымъ превосходствомъ, какъ ни велико было огрубѣніе нравовъ и затмѣніе религіозныхъ понятій всего вообще іудейскаго народа: тѣмъ не менѣе Иисусъ Христосъ обличалъ именно только фарисеевъ, саддукеевъ, книжниковъ и всѣхъ вообще загрубѣлыхъ грѣшниковъ, но

ни разу не сказалъ укоризненнаго слова о всемъ іудействѣ въ совокупности, а напротивъ, въ словахъ Хананейнкѣ выразилъ такое предпочтеніе іудейству предъ язычествомъ, какое имѣють люди предъ псами.

Несостоятельныя съ догматической точки зрѣнія, порицанія г. Соловьева христіанства не подтверждаются и исторіей. Въ теченіи почти двухъ тысячъ лѣтъ своего существованія христіанская Церковь въ общемъ постоянно стремилась къ той высокой задачѣ, которая была предугазана и предсказана ей Основателемъ Иисусомъ Христомъ и первыми ея руководителями — св. апостолами и осуществляла ее. Она дѣйствительно перерождала натуральное человѣчество, освящала людей, одухотворяла и возвышала ихъ жизнь и вела ихъ къ небу, а вовсе не отрицала истинной человѣческой жизни. Исторія христіанскихъ народовъ говоритъ сама за себя. Въ теченіи послѣднихъ девятнадцати вѣковъ гдѣ процвѣтали философія, наука, искусства? Въ „честномъ“ ли, какъ выразился г. Соловьевъ, магометанствѣ и язычествѣ, или у христіанскихъ народовъ? Гдѣ было меньше рабства — тамъ, или здѣсь? Откуда возникло и гдѣ постоянно поддѣрживалось движеніе противъ деспотизма и рабства, какъ не изъ христіанства и не въ христіанствѣ? Въ магометанствѣ и въ язычествѣ женщина — вещь: въ христіанствѣ она — человѣкъ. Въ магометанствѣ и въ язычествѣ жестокость, кровавая месть, кровавый фанатизмъ, многоженство и многоженіе — общее правило: въ христіанствѣ — случайныя и нетерпимыя исключенія. Все это можно сказать не только объ истинномъ церковномъ, православномъ христіанствѣ (о немъ преимущественно), но и обо всемъ вообще христіанствѣ, за исключеніемъ развѣ наиболѣе уклонившихся отъ идеи истиннаго христіанства сектъ, въ родѣ американскихъ мормоновъ, или русскихъ хлыстовъ. Даже странно въ 19 в. доказывать несравненное превосходство христіанства предъ магометанствомъ.

Восхваляя послѣдовательность магометанства, г. Соловьевъ возводитъ на пьедесталъ правственнаго и религіознаго величія, объявляетъ чуть не святыми и во всякомъ случаѣ признаетъ облагодатствованными свыше и чудесно, считаетъ настоящими христіанами тѣхъ людей, которые сами объявляли себя невѣрующими, боролись противъ Церкви и хри-

стіанства, были язычниками въ христіанствѣ, но которые борьбой противъ оффиціальной Церкви достигли того, что по словамъ г. Соловьева, „были закрыты инквизиціонныя судилища, прекращены религіозныя гоненія, погасли костры, уничтожены пытки, отмѣнено феодалное и крѣпостное рабство“.

Выходитъ такъ, что въ оффиціальномъ или церковномъ христіанствѣ завелись такіе недуги, обнаружались такія рѣзкія и повальные нарушенія духа Христова, духа христіанской любви, что само это христіанство собственными силами не могло уврачевать и не врачевало этихъ страшныхъ язвъ религіознаго фанатизма, безчеловѣчія и жестокости, а отличными врачами неисцѣльныхъ язвъ церковнаго христіанства и вмѣстѣ спасителями его отъ того глубокаго упадка, къ которому оно склонилось, явились его враги, враги вѣры, враги Христа, или покрайней мѣрѣ равнодушные ко Христу и вообще къ религіи. Такое смѣлое, чтобы не сказать сильнѣе, перенесеніе центра тяжести духа Христова изъ церковнаго христіанства, въ которомъ будто бы укоренился совсѣмъ противоположный духъ, въ сердца невѣрующихъ и даже положительныхъ враговъ Церкви и христіанства показалось особенно соблазнительнымъ для многихъ слушателей реферата и уже одною неожиданностію, можно думать, озадачило даже и не однихъ религіозныхъ людей. Поэтому на этомъ пунктѣ слѣдуетъ остановиться не смотря на то, что онъ уже подвергался въ печати обсужденію.

Мы не станемъ говорить о томъ, что жестокости религіознаго фанатизма проявлялись преимущественно въ неправославныхъ христіанскихъ обществахъ, что онѣ обнаруживались не повсемѣстно и не постоянно, что въ систему и принципъ онѣ возведены развѣ только въ одномъ римскомъ католицизмѣ; мы не станемъ также ссылкамъ на невѣрующихъ гуманистовъ противопоставлять примѣры дѣятельности людей вѣры въ пользу христіанской любви и противъ религіознаго фанатизма; не будемъ распространяться о томъ, что у невѣрующихъ гуманистовъ ихъ наилучшія просвѣтительныя и гуманныя тенденціи имѣли склонность переходить и дѣйствительно переходили въ свои противоположности,—ихъ заботы объ общемъ благѣ часто служили орудіемъ для достиженія ихъ личныхъ честолюбивыхъ и власто-

любивыхъ замысловъ, ихъ защита правъ человѣка перешла въ совершенную разнузданность, гуманная мягкость въ кровожадную жестокость, борьба за свободу и противъ рабства — въ насиліе, отрицаніе власти — въ деспотизмъ личнаго произвола, — все это извѣстно и довольно ясно свидѣтельствуется или о неискренности этихъ людей, или о преобладаніи въ нихъ разрушительнаго духа оппозиціи, борьбы и вражды ради самой борьбы, или о шаткости основъ, на которыхъ возникла и держится ихъ гуманность, или объ отсутствіи высокихъ мотивовъ въ ихъ любви къ меньшей и страдающей братіи. Мы спросимъ только, откуда заимствовали они все, что было лучшаго въ ихъ ученіи и дѣятельности? Откуда взялись у нихъ основныя начала ихъ гуманистической дѣятельности: идеи о чело-вѣчности, о равенствѣ, свободѣ, братствѣ людей? У кого научились они уважать и высоко цѣнить эти начала? Откуда почерпнули они силы распространять и защищать ихъ? Изъ наивнаго, грубаго, суевѣрнаго, недугующаго рабствомъ, узкимъ націонализмомъ и каннибализмомъ, язычества или изъ магометанства хотя бы и „честнаго“, но фаталистическаго, безжизненнаго, жесткаго и кровожадно-фанатическаго? Но тамъ этихъ началъ нѣтъ и въ поминѣ; тамъ они отрицаются въ принципѣ. Или они навѣяны созерцаніемъ радужной картины невиннаго натуральнаго состоянія некультурнаго человѣчества, начертанной Ж. Ж. Руссо и его послѣдователями? Но не говоря о томъ, что эта картина изображаетъ не дѣйствительное натуральное состояніе человѣка, а поэтическую мечту о томъ, каково бы оно должно быть, — спрашивается, откуда живописатели этой картины взяли замыселъ ея и яркія краски для ея осуществленія? Или можетъ быть гуманныя начала у невѣрующихъ зародились въ ихъ неиспорченномъ натуральномъ сердцѣ, возрасли и окрѣпли силою возвышеннаго отъ природы разума, богато одареннаго и гармонически раскрытаго духа? Но не говоря о томъ, что безъ благотворнаго вліянія истинной религіи не можетъ быть ни теплаго сердца, ни возвышеннаго разума, ни гармоническаго раскрытія всѣхъ силъ духа, — почему же только среди христіанъ явились обладатели горячо любящаго сердца и возвышеннаго разума и почему среди христіанъ оказались таковыми именно невѣ-

рующіе, т. е., не христіане, а отрицатели, враги христіанства? Если невѣрующіе гуманисты не были ни христіанами, ни язычниками, то почему же оказалась болѣе благопріятствующей ихъ происхожденію среда христіанская, а не языческая? Если христіанство поражено хроническими и тяжкими недугами и даже перестало быть истиннымъ христіанствомъ, то хотя и не невозможно происхожденіе изъ среды его великихъ ревнителей истиннаго христіанства, возстановителей идеи его, реформаторовъ отступившаго отъ своей идеи христіанства, но такіе сами всегда бываютъ пылкими сторонниками и поборниками христіанства, они вооружаются только противъ уклоненій отъ идей христіанства, и самая борьба ихъ противъ существующихъ формъ христіанства происходитъ отъ ихъ любви къ идеалу христіанства, все равно — правильно, или ложно они понимаютъ его. Но какъ понять положеніе, когда цѣлителями недуговъ, объявшихъ будто бы все христіанство, являются не ревнители его чистоты, а люди, исторгнувшіе его изъ своей души, отрицающіе его въ принципѣ, усиливающіеся стереть его съ лица земли? Какъ объяснить то, что по существу дѣла и по результатамъ своей дѣятельности они оказываются лучшими христіанами, нежели дѣйствительные христіане, и въ то же время они заклятые враги христіанства вообще, — извращеннаго, или истиннаго — это безразлично? Не христіане и въ то же время лучшіе, нежели христіане; независимые отъ христіанства по убѣжденіямъ и чуждые ему по симпатіямъ, и въ то же время связанные съ нимъ происхожденіемъ и родственные по духу своей нравственной дѣятельности; враги его и въ то же время благодѣтели его, — эти невѣрующіе гуманисты полны неприимимыхъ противорѣчій. Все дурное у нихъ отъ невѣрія; но откуда у нихъ возвышенно-прекрасное? Можно-ли невѣріе признавать состояніемъ ненормальнымъ, злосчастливымъ и злоторнымъ, когда одержимые имъ оказываются способными проводить столь высокую нравственную жизнь, руководствуются въ своей дѣятельности столь высокими началами и совершаютъ такіе подвиги любви и самоотверженія, что превышаютъ не только лучшихъ язычниковъ, магометанъ и іудеевъ, но даже и самихъ христіанъ? Справедливо-ли порицать невѣріе, когда представители его высоко держатъ

знамя любви къ людямъ, между тѣмъ какъ, не говоря уже о христіанахъ, даже въ христіанствѣ во всей его совокупности она будто бы ослабѣла, сознание ея необходимости затмилось и ея мѣсто заступили безчеловѣчныя жестокости религіознаго фанатизма?

Г. Соловьевъ самъ, повидимому, чувствовалъ несообразности, вытекающія изъ положенія, что невѣрующіе во Христа исполнены духа Христова больше вѣрующихъ, и трудность объяснить рационально происхождение этого страннаго факта, этого, въ своемъ родѣ, чуда. Дѣйствительно, онъ допускаетъ дѣйствіе чуда въ тѣхъ, которые сами въ чудо не вѣрятъ. Источникомъ гуманистическихъ началъ и дѣятельности въ невѣрующихъ онъ признаетъ *нравственно-практическую благодать*, которая будто-бы была дана имъ Богомъ спеціально для выполнения ихъ исторической миссіи и силой которой самая борьба ихъ противъ неистиннаго христіанства послужила дѣлу возстановленія и торжества истиннаго христіанства.

Невѣрная основная мысль ведетъ къ невѣрнымъ изъясненіемъ ея. Если г. Соловьевъ высказалъ мнѣніе о дѣйствіи въ невѣрующихъ историческихъ лицахъ особой нравственно-практической благодати въ видѣ предположенія, то вѣдь онъ знаетъ что для науки могутъ быть полезны только научныя, т. е., имѣющія нѣкоторую основательность, предположенія, а не фантастическія догадки, или празныя и произвольныя выдумки. Если же онъ считаетъ свое мнѣніе несомнѣнной истиной, то нельзя не удивляться смѣлости его мысли.

Что дѣйствія враговъ христіанства, не только добрыя, но даже и злыя, нерѣдко служатъ на пользу послѣднему, это несомнѣнно. Но это — результатъ установленнаго порядка вещей и дѣйствія общаго Промысла Божія о мірѣ и человѣческомъ родѣ, а не особой благодати. Если подъ благодатію разумѣть естественныя дары Божіи, то такая благодать, называемая естественной, свойственна всѣмъ людямъ. Но г. Соловьевъ явно разумѣетъ не эту, а чрезвычайную, особенную, специфическую благодать, подаваемую Богомъ для особыхъ цѣлей, благодать сверхъестественную. Однако есть-ли въ св. Писаніи и въ св. Преданіи указанія на сообщеніе нехристіанамъ и тѣмъ болѣе противни-

камъ Христа и христіанства благодати, — сверхъестественной посуществу и специфической по цѣли? Никакихъ. Видовъ сверхъестественной благодати много, но всѣ они составляютъ исключительную принадлежность христіанъ и не проявляются ни въ іудействѣ, ни въ магометанствѣ, ни въ язычествѣ, ни въ безбожникахъ. Это — азбучная богословская истина. Да и какъ могутъ невѣрующіе во Христа и противники христіанства быть участниками сверхъестественной благодати, когда она подается Богомъ не иначе, какъ чрезъ Христа, въ христіанствѣ и чрезъ христіанство?

Г. Соловьевъ измыслилъ неслыханную нравственно-практическую благодать, дѣйствующую будто-бы въ невѣрующихъ историческихъ дѣятеляхъ, съ цѣлію объяснить, какимъ образомъ люди, отрѣшившіеся отъ христіанства, оказались по своимъ нравственнымъ принципамъ и нравственно-общественной дѣятельности лучшими вѣрующихъ во Христа и даже исправили само христіанство, вдохнувши въ него духъ Христа, до крайности въ немъ ослабѣвшій. Но такъ какъ такой благодати на самомъ дѣлѣ нѣтъ, то съ точки зрѣнія г. Соловьева на христіанство и на нравственно-гуманистическую дѣятельность невѣрующихъ остается необъясненнымъ и даже необъяснимымъ фактъ происхожденія послѣдней. Самая попытка его объяснить происхожденіе этой дѣятельности допущеніемъ чуда показываетъ, что тутъ что нибудь да не такъ; о томъ-же говорить и неудача этой попытки.

Въ чемъ же кроется фальшь, которая привела г. Соловьева къ измышленію несуществующаго чуда, несуществующей нравственно-практической благодати?

Фальшь заключается, съ одной стороны, въ преувеличеніи достоинства сущности и результатовъ гуманизма невѣрующихъ, а съ другой, въ чрезмѣрномъ умаленіи достоинства историческаго христіанства, говоря иначе; фальшь лежитъ въ самыхъ основахъ реферата г. Соловьева.

Гуманистическая дѣятельность невѣрующхъ ни по мотивамъ, ни по существу и характеру, ни по окончательнымъ результатамъ никогда не была столь высокой, чистой и благотворной, чтобы слѣдовало признавать ее вдохновенной свыше, или считать какимъ-то особеннымъ дѣломъ Провидѣнія. Рядомъ съ возвышенными мотивами у невѣрующхъ

гуманистовъ часто имѣли силу мотивы своекорыстные, или по крайней мѣрѣ чуждые интересамъ общаго блага. Подобно всѣмъ идеалистамъ, они постоянно впадали въ утѣхи, добивались недостижимаго, и для осуществленія своихъ несбыточныхъ мечтаній не пренебрегали никакими средствами, шли съ своей идеей на проломъ, а отъ этого ихъ дѣятельность становилась деспотической, насильственной, жестокой, фанатически-безразсудной. Вооружавшіеся противъ деспотизма сами становились ужасными деспотами; искоренявшіе рабство стремились все и всѣхъ подчинить своимъ доктринамъ, подавляя и уничтожая тѣхъ, которые осмѣливались не признавать ихъ непогрѣшимости; возставшіе противъ религіознаго фанатизма сами становились фанатиками своихъ идей. Въ невѣрующихъ гуманистахъ не замѣтно ни мудрой мѣры и благоразумія, ни снисхожденія къ недостаткамъ людей, ни кроткаго отношенія къ своимъ противникамъ, ни, тѣмъ болѣе, любви къ врагамъ, ни сердечной мягкости и теплоты, ни душевнаго равновѣсія и возвышенно-свѣтлаго настроенія, которыя свойственны людямъ облагодатствованнымъ и проникнутымъ истинною любовью къ людямъ. А отъ этого и въ окончательныхъ своихъ результатахъ дѣятельность невѣрующихъ гуманистовъ часто оказывалась или безплоднымъ пустоцвѣтомъ, или приводила къ такимъ печальнымъ и ужаснымъ послѣдствіямъ, отъ которыхъ они сами отшатнулись-бы, если бы могли ихъ предвидѣть съ самаго начала. Развѣ не бывало, что желавшіе осчастливить всѣхъ людей умножали потоки слезъ и крови?

Съ другой стороны, историческое христіанство, не только православное, но даже и неправовѣрующее, никогда не падало до такой степени, чтобы невѣрующіе гуманисты не могли заимствовать изъ него все лучшее, что было въ ихъ ученіяхъ и въ ихъ дѣятельности. Нравственный уровень христіанскихъ народовъ, даже въ самыя несчастныя и неблагопріятныя для христіанства эпохи, все-таки несравненно возвышался надъ уровнемъ нравственности нехристіанскихъ народовъ; среди христіанъ всегда были люди святые, нравственной чистотой и высотой далеко превосходившіе невѣрующихъ гуманистовъ; въ христіанствѣ всегда пребывали божественные источники высшихъ истинъ — религіозныхъ и нравственныхъ, — разумѣемъ св. Писаніе и

св. Преданіе. Откуда больше, какъ не изъ христіанства, невѣрующіе почерпали принципы гуманистическаго ученія и гуманистической дѣятельности? Зачѣмъ Богъ сталъ бы давать имъ нравственно-практическую благодать, когда все хорошее, чему они учили и что дѣлали, они могли воспринять изъ христіанства? Ихъ вражда противъ христіанства не могла этому препятствовать, потому что она начиналась не съ дѣтства. Пусть невѣрующіе никогда не имѣли въ рукахъ Библіи, никогда не читали церковныхъ и богословскихъ книгъ: все-таки они не могли не знать христіанства. Довольно того, что они родились отъ христіанъ и жили среди христіанъ, въ странахъ издавна христіанскихъ. Въ такихъ странахъ люди, учрежденія, обычаи, законы, нравы, преданія, исторія, воззрѣнія, науки, искусства, правила, просвѣщеніе, вся жизнь—все это, или чисто христіанское, или хотя и воспринято изъ язычества, какъ напр. матеріалы классическаго образованія, но осмыслено, освящено и проникнуто христіанствомъ. Вотъ почему даже и противники христіанства, если только они родились и живутъ среди христіанскихъ народовъ, оказываются бессознательно напоенными христіанствомъ. Сколько бы затѣмъ они ни усиливались отрѣшиться отъ христіанства, они могутъ достигнуть этой цѣли только отчасти. Можетъ-ли человѣкъ освободить себя отъ дѣйствія на него климата, окружающей природы, унаслѣдованныхъ отъ предковъ свойствъ души и тѣла, воспринятыхъ чрезъ воспитаніе привычекъ? Можетъ ли онъ не дышать окружающимъ его воздухомъ? Христіанство для живущаго среди него человѣка есть духовная атмосфера, и невѣрующій, родившійся, воспитавшійся и живущій въ христіанской странѣ, противъ воли на половину христіанинъ. Отрицаая все христіанское, невѣрующіе изъ христіанства же почерпаютъ свои идеи, только берутъ ихъ окольнымъ путемъ, напр. изъ философіи и изъ свѣтской науки, и выдаютъ ихъ за свои собственные и за чисто рациональныя идеи, не имѣющія будто бы ничего общаго съ христіанствомъ, а чтобы замаскировать плагіатъ и чтобы никто не сомнѣвался въ оригинальности этихъ идей, придумываютъ новыя названія. Напр., ученіе о любви къ ближнимъ есть чисто-христіанское, самобытно-христіанское ученіе. Невѣрующіе моралисты не могутъ этого отвергнуть; не могутъ они отринуть и возвышенности этого ученія. Но,

съ другой стороны, имъ не хочется сознаться, что это ученеіе принесъ въ міръ Христось, а распространили въ мірѣ послѣдователи Христа. И вотъ они тоже самое ученеіе, только въ иной формѣ, большею частію не въ полномъ видѣ и извращенно ¹⁾, раскрываютъ раціональнымъ образомъ, выдаютъ за свое собственное ученеіе и называютъ его то *гуманизмомъ*, а самую любовь къ ближнимъ *гуманностію*, то, въ самое послѣднее время, *альтруизмомъ*. Это похоже на то, какъ наши русскіе торговцы на недоброкачественныя туземныя издѣлія накладываютъ иностранныя клейма и продаютъ за иноземные товары высшей доброты. И такихъ-то плагіаторовъ и извратителей христіанскаго ученеія о любви къ ближнимъ г. Соловьевъ признаетъ чудесно и свыше облагодатствованными и призванными самимъ Провидѣніемъ цѣлитель недуги христіанства! Не значитъ ли это быть „метафизикомъ“ и о простыхъ вещахъ говорить мудро!

Преувеличеніе важности трехъ болѣзней средневѣковаго христіанства обнаруживается и въ выводѣ реферата, что именно этими тремя болѣзнями вызвано критическое разлагающее движеніе мысли и жизни. Этотъ выводъ исторически невѣренъ. На Западѣ критическое движеніе религіозной мысли явно и рѣзко проявилось въ реформаціи и въ подготавливавшихъ ее протестахъ гражданскихъ и церковныхъ дѣятелей. Реформація же и ея предвѣстники были вызваны вовсе не этими тремя болѣзнями, а чрезмѣрнымъ властолюбіемъ и порочностію папъ, преобладаніемъ мірскихъ интересовъ въ духовенствѣ, особенно высшемъ, и развращеніемъ его, отступленіями Римской церкви отъ древне-церковнаго преданія и введенными въ ней, не согласными съ этимъ преданіемъ, новшествами.

¹⁾ Корень всѣхъ недостатковъ ученій невѣрующихъ о любви къ людямъ, какъ и всей вообще ихъ морали, въ томъ, что они, по причинѣ невѣрія въ Бога, отнимаютъ у любви къ людямъ ея опору и освящающую ее силу, именно любовь къ Богу. Безъ любви къ Богу любовь къ людямъ никогда не можетъ быть тверда и постоянна, полна и истинна, возвышенна и свята. Вотъ почему ученія невѣрующихъ о любви къ людямъ мало того что не оригинальны, зависямы отъ христіанства, но и по достоинству никогда не достигали высоты христіанскаго ученія о любви къ ближнимъ и даже никогда не могли и не могутъ достигнуть этой высоты, пока невѣрующіе остаются невѣрующими.

Гусситы требовали „чаши“, т. е. причащенія и Тѣла и Крови Христа, а не одного Тѣла, какъ самочинно и произвольно ввели католики. Говоря иначе, Гусситы требовали возстановленія важнаго обычая древней вселенской церкви, имѣющаго неоспоримое основаніе въ св. Писаніи, требовали отмѣны латинскаго обычая, явно несогласнаго ни съ св. Писаніемъ, ни съ постоянной практикой древней вселенской церкви.

Далѣе, что возмутило Лютера въ Римѣ? Спиритуализмъ? заботы о личномъ спасеніи? догматизмъ? Напротивъ: бывши самъ монахомъ, онъ надѣялся все это найти въ Римѣ. Онъ шель туда не съ мыслію о протестѣ противъ папы, противъ духовенства, противъ католичества. Онъ шель поклониться святынямъ Рима, посѣтить „вѣчный городъ“, престольный городъ католическаго міра. Но, пришедши туда, совершенно разочаровался въ своихъ, быть можетъ, преувеличенныхъ ожиданіяхъ. Ему показалось, что онъ нашель тамъ мерзость запустѣнія на святомъ мѣстѣ. Быть можетъ, въ Лютерѣ была нѣкоторая доля самонѣнія, или преувеличенной религіозной ревности, или недостатокъ снисходительности, но во всякомъ случаѣ къ протесту противъ Рима привели его совсѣмъ не тѣ недуги католичества, которые отмѣтилъ г. Соловьевъ въ своемъ рефератѣ.

Наконецъ, чѣмъ были вызваны первая французская революція и соединенный съ нею разливъ безбожія? Бесплоднымъ спиритуализмомъ французовъ? Но развѣ не извѣстно, что въ 17 и въ первой половинѣ 18 вв. во Франціи процвѣтали философія, науки, литература, искусства, промышленность? Или они вызваны были тѣмъ, что духовенство заботилось о своемъ личномъ спасеніи и строго держалось догматическаго ученія своей церкви? Нѣтъ, не этимъ, а напротивъ тѣмъ, что оно о своемъ спасеніи заботилось мало, или заботилось лицемѣрно, что оно своею жизнію подавало дурной примѣръ народу, а отъ того и Христово ученіе въ устахъ его оказывалось бездѣйственнымъ. Равнодушное къ вѣрѣ, испорченное нравственно, поглощенное мірскими интересами, французское духовенство временъ Людовика XIV было безсильно удержать аристократію отъ порочной жизни, а въ народѣ укрѣпить вѣру въ Бога и уваженіе къ церкви. А въ лицѣ іезуитовъ католическая

церковь, подъ предлогомъ поддержанія католичества, подъ видомъ служенія Богу, сама пошпирала основные законы вѣры и нравственности. Іезуитскій принципъ оправданія средствъ цѣлю и отсюда крайняя неразборчивость въ средствахъ поставили этотъ орденъ, а вмѣстѣ съ нимъ отчасти и католическую церковь, на путь скользкій, опасный и страшный. Дѣйствуя посредствомъ этого ордена, она взялась за обоюдоострый ножъ, которымъ она наносила раны и самой себѣ не меньше, чѣмъ своимъ врагамъ. Іезуиты ограничили распространеніе протестантства въ католическомъ мірѣ и оказали много услугъ католическому богословію учеными трудами нѣкоторыхъ своихъ сочленовъ. Но ихъ лицемѣріе, наглое вторженіе въ семейный очагъ гражданъ и въ политическія отношенія государствъ и правительствъ, ихъ политика, исполненная подлости и коварства, проникнутая макіавелизмомъ, запятанная кровью жертвъ, имѣвшихъ смѣлость или неосторожность стать поперекъ ихъ дороги, ихъ злодѣйства, тѣмъ болѣе страшныя и отвратительныя, что они совершаютъ ихъ хладнокровно, мня службу приносить Богу, наконецъ, самое внутреннее устройство этого ордена, основанное на недовѣрїи къ человѣку, проникнутое шпионствомъ и неограниченнымъ деспотизмомъ, исключющее жизнь сердца и отрицающее права личности и человѣчность—все это возбуждало и доселѣ возбуждаетъ къ іезуитамъ недовѣріе, отвращеніе и ненависть, все это вооружало противъ нихъ и правительства и народы всѣхъ странъ, гдѣ только они ни появлялись. „Іезуитизмъ“ — стало нарицательнымъ и общеупотребительнымъ словомъ. Весь образованный христіанскій міръ положилъ этимъ словомъ неизгладимое клеймо на орденъ, который дерзко присвоилъ себѣ имя Іисуса и достигъ того, что изъ за него имя Божіе хулится во языцѣхъ. Сторонники іезуитовъ не должны бы забывать, что Вольтеръ вышелъ изъ іезуитской коллегіи. Одинъ онъ принесъ больше зла христіанству и въ частности католичеству, чѣмъ всѣ іезуиты принесли пользы своими учеными трудами. Какъ бы то ни было, по общая ненависть къ іезуитамъ невольно переносилась и на католическую іерархію, потому что она почти всегда покровительствовала этому ордену, дѣйствовала съ нимъ и чрезъ него, или по крайней мѣрѣ терпѣла его. Естественно, что въ эпоху революціи

врагами духовенства оказались не одни безбожники и безумные демагоги, но и значительная часть народа, которая до безбожія не доходила. Естественно и то, что духовенство, обезсилѣвши нравственно, утратило вліяніе на народъ и не могло воспрепятствовать распространенію равнодушія къ себѣ въ народѣ, безбожія и вражды къ церкви въ высшемъ и среднемъ классѣ.

Но если-бы мы и признали вмѣстѣ съ г. Соловьевымъ причинами критическаго разлагающаго движенія мысли и жизни на Западѣ указываемыя имъ „болѣзни“ христіанства, то и въ такомъ случаѣ мы не имѣли-бы ни малѣйшаго основанія примѣнять такое же сужденіе къ Восточной и въ частности къ нашей Русской церкви. Въ Россіи не было ни реформаціи, ни революціи. У насъ есть расколъ и сектантство. Но расколъ уже потому не могъ быть результатомъ односторонняго спиритуализма, или нетерпимаго догматизма церкви или іерархіи, что онъ самъ представляетъ проявленіе крайняго и односторонняго обрядоваго догматизма, который ему и препятствуетъ воссоединиться съ церковію. А наши раціоналистическія и мистическія секты большею частію занесены къ намъ съ Запада, — перенесены то поселившимися въ Россіи иностранцами, то самими Русскими, побывавшими за границей, или воспитавшимися у иностранныхъ учителей и по иностраннымъ книгамъ. Равнымъ образомъ и невѣріе, или по крайней мѣрѣ равнодушіе къ вѣрѣ, незнаніе ученія вѣры, нерасположеніе къ Церкви и неуваженіе къ служителямъ ея, главнымъ источникомъ своимъ имѣютъ обезьянское подражаніе нашего образованнаго и полубразованнаго свѣтскаго общества Западу. На Западѣ распространились идеи Вольтера и энциклопедистовъ: и русскіе образованные и мнимо-образованные люди сдѣлались вольтерьянцами и поклонниками энциклопедистовъ. Затѣмъ началось тамъ господство философіи Гегеля: и русскіе стали гегельянцами. На смѣту гегельянства явился тамъ матеріализмъ: наши не отстали отъ Запада и въ матеріализмѣ. Вмѣстѣ съ матеріализмомъ процвѣталъ тамъ раціонализмъ: нашлись у насъ сочувствовавшіе и этому направленію мысли, хотя, кажется, раціонализмъ мало сроденъ русскому челювѣку. Вслѣдъ за матеріализмомъ на Западѣ возникъ и широко распространился дарвинизмъ, а раньше еще позити-

визмъ, затѣмъ вошелъ въ моду пессимизмъ и усилился социализмъ: и каждое изъ этихъ учений находило откликъ въ Россіи, а иныя, какъ дарвинизмъ, и широкое распространіе.—Корни же нашей подражательности Западу лежатъ частію въ податливости славянской природы, частію въ отсталости Россіи отъ Запада въ философіи, наукахъ, искусствахъ и промышленности. Винить же служителей Русской церкви за то, что ихъ слово и ученіе оказывалось часто маловліятельнымъ и не могло воспрепятствовать напору отрицательныхъ учений съ Запада и широкому распространенію ихъ въ Россіи, не справедливо потому, что возникновеніе и распространеніе философскихъ и ученыхъ идей есть результатъ дѣйствія историческихъ законовъ, которое можетъ быть ослаблено или отклонено только въ малой мѣрѣ; и притомъ служители нашей церкви не рѣдко были ограничиваемы и стѣсняемы въ своемъ словѣ и дѣятельности гораздо больше, нежели этого требовали заботы о чистотѣ православія и польза церкви, а отъ этого духовное просвѣщеніе много теряло въ своей силѣ и жизненности, и само не процвѣтало, и оказывало мало вліянія на свѣтскую науку и свѣтское образованное общество. И всетаки, не смотря на то, что образованные и полуобразованные русскіе люди дѣлались то французами, то нѣмцами, или англичанами, впадали то въ католицизмъ, то въ протестантизмъ, а то и въ сектантство, иные становились материалистами, другіе позитивистами, третьи дарвинистами, четвертые рационалистами, не смотря на рабское подражаніе нашей свѣтской науки Запада, не взирая и на многія иныя неблагоприятныя условія: Русская церковь отстояла свою самобытность, сохранила въ чистотѣ вѣру, удержала православные обряды и вообще весь строй и духъ восточнаго православія, согласнаго съ православіемъ древней вселенской церкви. Въ этомъ нельзя не видѣть признака истинности нашей церкви и залога того, что она и въ будущемъ сохранитъ самостоятельность, вѣрность древне-церковному преданію, православіе.
